Немало испытаний выпало на долю литературоведа Александра Кузьмича Бабореко — его жизнь складывалась по явно драматическим канонам. Чего только не было на его земном пути: и неожиданные препятствия, и непредсказуемые повороты, и несправедливое отношение окружающих. Банальная фраза о том, что судьба благосклонна по отношению к одним людям и несправедлива по отношению к другим, как нельзя лучше определяет жизнь этого человека. Вместе с тем Александр Бабореко доказал, что как бы ни были пристрастны окружающие, какими бы тяжелыми ни были обстоятельства — упорство, настойчивость и вера в себя ведут нас к поставленной цели. Препятствия на пути человека — это своего рода «моменты истины». Такие моменты переживает, наверное, каждый из нас. Именно в таких экстремальных ситуациях в человеке обнажается его суть, проявляются лучшие качества, и как раз наступает момент, когда твоя правда, твоя победа становятся очевидными…

Родился Александр Кузьмич Бабореко перед началом Первой мировой войны — 17 сентября 1913 года в деревне Слобода-Кученка Минской губернии, в Восточной Белоруссии. Нужно заметить, что день рождения ученого стал знаковым — 17 сентября, но 1939 года Западная Белоруссия объединилась с Восточной, войдя в состав СССР. А на момент появления Александра на свет божий это была Российская империя — все войны, революции и потрясения были впереди. Конечно, он не помнил то время: и войну и две революции — Февральскую и Октябрьскую, перевернувшие ход истории — слишком был мал. В сознательную жизнь он вошел уже при Советской власти. В 1930 году, после окончания школы, А. Бабореко отправил бумаги, необходимые для поступления, в Минский педагогический техникум имени В.М. Игнатовского, но они до места назначения не дошли, так как деревенский почтальон, комсомолец, из зависти порвал и выбросил их… Что ж, такое было время. Но в техникум Александра Бабореко все-таки приняли, хотя и с полуторамесячным опозданием — ему пришлось «побегать», восстанавливая необходимые документы. И это был первый «момент истины», проявивший волевые качества юноши.

В тот же год в тюрьму по политическим мотивам попал троюродный брат

Александра Кузьмича. И здесь несколько слов необходимо сказать и о его судьбе. Адам Антонович Бабореко — преподаватель, писатель, литературовед, литературный критик — был арестован ГПУ Белорусской ССР 25 июля 1930 года в Минске по делу «Союза освобождения Белоруссии». Осужден за «антисоветскую агитацию» к 5 годам ссылки. Целый год находился в тюремном заключении, а после был сослан в город Киров, где работал бухгалтером. Срок ссылки продлили на два года в административном порядке. Потом был повторно арестован 24 июля 1937 года. В 1938 году приговорен «тройкой» по Кировской области к 10 годам заключения в лагерях. Наказание отбывал в Коми АССР в железнодорожном лагере НКВД, где умер в лагерной больнице...

Со слов Александра Кузьмича, в конце первого курса учащиеся техникума были направлены в совхоз на посадку картофеля. Студенты не успели освоить учебную программу, но помощь крестьянам, с точки зрения партии, правительства и руководства учебного заведения, была важнее. Александра Бабореко это возмутило, так как он отдавал предпочтение планомерному, целенаправленному образованию, а не авральному изучению отдельных дисциплин. В связи с этим он при первой возможности уехал в Москву с мечтой поступить на филологический факультет пединститута имени В.И. Ленина. Однако его попытка не увенчалась успехом — при наборе в вузы и техникумы в это время стал жестко применяться классовый принцип: требовались специальные рекомендации партийных и государственных органов. Это закрывало дорогу к получению образования непролетарским слоям населения, да к тому же — троюродный брат, арестованный органами госбезопасности...

После всех мытарств молодому человеку снова пришлось проявить характер. Парень решил, что, получив статус рабочего, он обойдет препятствия, связанные с поступлением на филфак. Александр пошел в чернорабочие и почти год жил в бараке, занимаясь на подготовительных курсах. А на следующий год... Его снова не приняли: комиссии часто устраивали дополнительный экзамен, основным содержанием которого являлась проверка политической грамотности студента, а в этих вопросах он был не силен. Александру не повезло, но и тут находчивый абитуриент придумал следующее: подать заявление на открывшийся в этом же пединституте физкультурный факультет, с мыслью о последующем переводе на факультет филологии. Желающих поступать на факультет физической культуры было мало — и его приняли. А уже через несколько дней начались хлопоты с переводом на филологический факультет. Институтский врач сжалилась над неудачливым «филологом» и выдала справку о том, что к спорту молодой человек не пригоден. Но директор переводить юношу на другой факультет не собирался. Пришлось обивать пороги Народного комиссариата просвещения. Очередной «момент истины» показал — Александр все-таки стал студентом-филологом московского вуза!

В 1936 году А.К. Бабореко окончил филологический факультет Московского государственного педагогического института и был рекомендован в аспирантуру, но его снова подвела анкета: крестьянские корни и родство с Адамом Антоновичем Бабореко. Проверками студентов занимались специальные комиссии, где большинство составляли не профессора, а представители местных органов власти, коммунистического и комсомольского актива, иногда — ОГПУ. В это время была проведена широкая кампания по аттестации педагогических кадров, которая стала новой «чисткой» и поиском «врагов народа». Среди причин, по которым человек лишался возможности заниматься преподавательской деятельностью, нужно отметить дружеские и родственные отношения с репрессированными и непролетарское происхождение — весь набор оснований для отказа А.К. Бабореко поступить в аспирантуру был налицо, а

потому удачей стала возможность устроиться на работу учителем в школу. Не стоило афишировать опасное родство, а при поступлении в аспирантуру о нем с большой долей вероятности стало бы известно.

Во время Великой Отечественной войны Александр Кузьмич был мобилизован для работы на завод телефонных проводов, откуда его отправили в военный лагерь под Владимир. После он продолжил службу на Дальнем Востоке. Это время тоже стало «моментом истины»: нелегко приходилось людям и на фронте, и в тылу. А.К. Бабореко уже через несколько месяцев заработал дистрофию и надолго угодил в госпиталь. Но молодость и крепкий организм взяли свое… Окончание войны Александр Кузьмич застал под Благовещенском, в артиллерийском дивизионе, охранявшем восточные рубежи государства. Родившись на западных окраинах страны, солдат проехал СССР из конца в конец.

После возвращения с Дальнего Востока Бабореко преподавал в планово-экономическом техникуме. В 1946 году он, наконец, поступил в аспирантуру — война дала возможность перешагнуть прежние препятствия, списав и непролетарское происхождение, и родство с диссидентом. Тему для диссертации ему предложили из идеологических соображений — творчество М. Горького. Однако главным трудом ученого стала работа по реабилитации незаслуженно забытого в советской литературе имени первого русского нобелевского лауреата в области литературы — Ивана Алексеевича Бунина. Работа по восстановлению творческого наследия и самого имени великого русского писателя в Советском Союзе стала для ученого самым важным «моментом истины».

Александр Кузьмич стал много времени проводить в архивах. В Орле он обнаружил неизвестные материалы о времени учебы И.А. Бунина в Елецкой мужской гимназии. Найденные документы явились основой для комментария к роману «Жизнь Арсеньева. Юность». Ученый написал о своих находках статью для «Известий Отделения языка и литературы Академии наук СССР». Но ее, видимо, уже закономерно не пустили к широкому читателю, так как исследование не учитывало «современный политический момент». В итоге статья появилась, но не в академическом издании, а в провинциальной газете «Орловская правда» в 1958 году.

Примерно тогда же А.К. Бабореко удалось завязать переписку с вдовой И.А. Бунина — В.Н. Муромцевой и писателем Леонидом Зуровым, к которому впоследствии перешла большая часть архива писателя. Нужно сказать, что за этими архивами шла настоящая охота. Ученый понял: появилась возможность перевезти в Россию ценнейшие документы классика русской литературы — Вера Николаевна согласилась передать документы. В качестве платы за это с января 1956 года она стала получать от Союза писателей СССР пожизненную ежемесячную пенсию. Однако 3 апреля 1961 года В.Н. Муромцева-Бунина умерла, и архив перешел к Л. Зурову.

Весной 1962 года А.К. Бабореко обратился в Союз писателей СССР с просьбой о помощи: ему нужно было получить командировку в Париж. Начался рутинный процесс убеждений, обоснований, согласований, подготовки и подписания документов. Однако ближе к осени в ситуацию вмешался писатель и литературовед Лев Никулин, неожиданно заявивший, что архив, хранящийся у Л. Зурова, ценности не имеет. До этого он встречался с Верой Николаевной Муромцевой-Буниной, знавшей его еще до революции, и уговорил ее продать часть документов, хранившихся у нее. Лев Никулин хотел перетянуть на себя лавры реабилитации в СССР имени Ивана Бунина, инициировав издание цикла «Темные аллеи». По сути, из-за некомпетентности и откровенной глупости людей, принимавших решение, командировка А.К. Бабореко была отложена. В Фондах объединенного литературного музея И.С. Тургенева в Орле хранится папка под названием «Пере-

писка по поводу приобретения Советским Союзом у Л.Ф. Зурова мебели, вещей и архива И.А. Бунина». В ней письма А. Бабореко, Л. Никулина, К. Федина и других к наследнику архивных документов писателя. Из этой переписки видно, что по-настоящему болел за возвращение архива И.А. Бунина только А.К. Бабореко.

После долгих попыток преодолеть бумажную волокиту и откровенные издевательства бюрократов Александр Кузьмич сумел-таки получить разрешение на поездку в Париж в августе 1963 года, дойдя до высшего партийного руководства. Была потрачена уйма времени и сил, но в конечном итоге выяснилось: Союз писателей исчерпал лимиты на валюту и во Францию сможет поехать только один представитель. Им стал, как нетрудно догадаться, не А.К. Бабореко. Возможность вести переговоры о приобретении архива получил лауреат сталинской премии писатель Василий Ажаев — человек далекий от забот о возвращении бунинского наследия. Приехав из Франции, он писал в «соответствующие органы», что архив не заслуживает внимания, а большая часть личных вещей писателя уничтожена. Несколько лет тянулась постыдная канитель с возвращением архива и личных вещей И.А. Бунина. В итоге после смерти хранителя, архив первого русского нобелевского лауреата по литературе оказался у сотрудницы Эдинбургского университета Мелицы Грин. Позже материалы были переданы университету английского города Лидс. Что касается мебели из парижской квартиры Буниных, то с 1964 года она хранилась в семье писательницы Натальи Кодрянской, которая передала ее в дар музею И.А. Бунина в Орле.

Указанные события подорвали репутацию А.К. Бабореко среди русских эмигрантов, лично знакомых с И.А. Буниным. На его просьбы к участию в формировании бунинского двухтомника для «Литературного наследства» многие известные литераторы-эмигранты отнеслись настороженно.

Однако после выхода научных работ Александра Кузьмича об И.А. Бунине добрые отзывы исследователю прислали советские писатели Павел Антокольский, Корней Чуковский, Леонид Леонов, Константин Симонов и другие. Письмо с признанием огромной заслуги литературоведа в снятии табу с имени Ивана Алексеевича прислал из эмиграции лично знавший писателя Андрей Седых: «Дорогой Александр Кузьмич! От души поздравляю вас с выходом вашей замечательной книги. Получил я ее 1 февраля, три дня читал и только что закончил… Мне представлялось, что я довольно хорошо знаю жизнь Бунина, но оказалось, что очень многое из его первой половины жизни мне неизвестно. Почти все документы, касающиеся его романа с Варварой Пащенко, остались в России и, естественно, были нам недоступны; о Лопатиной я знал очень мало. Материал вами подобран и систематизирован великолепно — по мере того как втягиваешься в чтение, из отдельных цитат, вырезок, писем создается прекрасная биографическая картина». И как верно подметил воронежский писатель, знаток творчества И.А. Бунина, Юрий Гончаров, «книга Бабореко сделала главное дело: разрушила глухоту и молчание, которыми советский режим окружил жизнь и личность Бунина». Работы А.К. Бабореко ценны тем, что он собрал свидетельства людей, непосредственно знавших И.А. Бунина, близко с ним общавшихся. Самым точным словом, характеризующим книгу исследователя, многие называли — «честная», а важность книги была заявлена словом — «ценная».

Очередной «момент истины» для Бабореко наступил весной 1969 года, когда к нему проявил интерес Комитет государственной безопасности СССР. Он был допрошен по поводу переписки с эмигрантами, а потом получил предложение к сотрудничеству. Однако Александр Кузьмич мужественно от этого предложения отказался. Произошедшее послужило поводом к вопросу о воз-

можности продолжения его трудовой деятельности. Комитет госбезопасности рекомендовал рассмотреть целесообразность дальнейшей работы А.К. Бабореко в качестве редактора Гослитиздата. Весной 1970 года, видимо, благодаря достаточно длительному отрезку времени, прошедшему после вызова в КГБ, а может быть, потому что Александр Кузьмич за книгу о Бунине был принят в Союз писателей — неприятности отступили.

Исследованию бунинского творчества литературовед посвятил всю свою жизнь. Благодаря подвижнической деятельности ученого удалось собрать и издать уникальный, подробный, достоверный материал о жизни и творчестве И.А. Бунина. И хотя до сих пор не все архивные документы, связанные с жизнью и творчеством нашего великого земляка, найдены, А.К. Бабореко успел сделать очень многое. За несколько десятков лет плодотворной работы был накоплен огромный свод малоизвестных, казавшихся утерянными, архивных документов о жизни и творчестве классика русской литературы. Этот уникальный и максимально подробный материал нашел отражение в главной книге исследователя — «Бунин. Жизнеописание». Однако автору не суждено было увидеть свой труд изданным — Александр Кузьмич Бабореко умер в 1999 году, а книга увидела свет только в 2004 году. И это был последний «момент истины» ученого.

ЛИТЕРАТУРА:

Огрызко В.В. Воскресает целая эпоха. Литературная Россия 2011. № 42. 21 октября. www.litrossia.ru

Бабореко А.К. Дороги и звоны: Воспоминания. Письма. — М.: Моск. рабочий, 1993.